

Этот материал основан на воспоминаниях участника Великой Отечественной войны Михаила Семеновича Романова. Простой, бесхитростный рассказ, словно наяву позволяет окунуться в события далеко минувшего прошлого, воссоздает картину жизни довоенной и военной поры...

У нашего деда Петра, крестьянина-земледельца, был самый-самый большой сад в селе Адашево. А знаете, какой у нас был огромный дом!.. Мой отец в семье был младший сын, его жена Агракай, ласково Груня, Груша, она из села Гальтяпино. Вот от них мы все и пошли. Старшие невестки (рвене) в семье были адашевские. Тогда было принято жить одной семьей. Но вот моя мать заметила, что старшая невестка кушает потихоньку от других. В семье как было: если по куску, так всем по куску. Груня и сказала ей все напрямую. Да еще доказали: Васька нашел сундук – там горой пряники, сухари.

-Так, будем отделяться! И самое интересное, именно в нашей семье самые первые в селе, кто стал разделяться, то есть все сыновья с семьями стали жить отдельно, поставили дома. После них и другие в селе стали так делать.

В 1934 году вся семья уехала в Сибирь. У Семена было пятеро детей, может, больше, но в живых остались дочь Польшка, которая всю жизнь прожила в Адашево, во время войны работала на окопах и торфоразработках, Михаил и Василий.

В Сибири нашим не понравилось: погода, комары. И они уехали в Подмосковье, в Звенигород. Отец работал рабочим-пильщиком, строил дом авиаработников, мать была подсобной рабочей на стройке.

Но вот наступил 1941-й год. Нас стали эвакуировать, выдали документы, вроде, литер назывался. Предъявишь их – дают билеты на поезд, уже оплаченные. Потом мы узнали, что место, где мы жили, занимал немец.

Пожелав вернуться в Мордовию, в село Адашево, мы несколько дней были на вокзале, не было путей. Бомбежка, тревога – мы в метро, трамваи останавливаются, отбой - мы выходим.

Пять дней добирались мы от Москвы - не дают дорогу. В дороге отец слезет на стоянке, хочет что-нибудь сварить в чугушке. Только закипело... Сигнал! Поезд тронулся, все побросает... Дальше едем опять голодные.

Прибыли на станцию Кадошкино, оттуда - пешком десять километров до Адашево. В руках - чемоданчик с барахлишком. Попали на квартиру к знакомой Авдотье, она была немного нам родня. У нее дом, где Сире вилле (старая деревня, село), был восемь на восемь метров, во какой! Старушка жила одна, ей было не жалко. Отец стал работать по найму пильщиком, из других колхозов придут за ним и позовут. Хлеб дадут за работу. Даже чай. Мать сидела с детьми. Его из этого дома взяли на фронт в 1941-м, убили в

42-м, в марте принесли похоронку с сельсовета.

Мы стали жить в нужде, ничего у нас не было. Вот Шура моя, как и многие, и я, в том числе, во время войны ходили просить милостыню, но подавали лишь в праздники. И пришло время мне уходить на фронт из этого дома, в ноябре 43-го.

Осень, а все в лаптях... Продукты свои. День выходной. К восьми часам утра строим, пешком от Инсара девятнадцать километров на стрельбище, еще и песню запевали.

Винтовка-трехлинейка в руках. Стреляем в тактические мишени «фигура человека в пояс» из фанеры. Идет учебный рукопашный бой «в штыковую»: как колоть, как обороняться, «длинный», «короткий», на боку противогазовая сумка. Нам ставили оценки: «правильно», «неправильно». Ходили и в баню: рота по взводам.

Ночью погрузили нас в теплушки: нары, товарные вагоны. Эшелон из Мордовии пошел на Дальний Восток, ехали месяц. На больших станциях кормили капустой, хлебом, ливером, давали чай, были и бани. Ехали через Челябинск. Тайга... Прибыли на станцию Бамбурово Хасанского района Приморского края. Эх, я адрес почти забыл, смотри-ка, забыл! Разместили, через три дня - обмундирование: шлемо-буденовки, высокие такие, шинель та-ко-го размера! Потом я ее все же бросил, не было сил нести ее и «тело» станкового пулемета «Максим», знаете, сколько он весит! Ботинки-осмерик были желтого цвета, немецкие, та-ко-го размера! Еле ноги волочил! Оружие – автомат Шпагина с круглым диском. Я был хорошим стрелком.

23 февраля 1944 года принял присягу. Звание ефрейтор даже присваивали... Попал на гауптвахту, звание отменили.. Из роты 120 человек попали в третий стрелковый полк, дивизия размещалась в 40 километрах от станции Бамбурова. Находились в лесу полтора года. Пришел покупатель: «Кто куда желает?». Я записался в укрепленный район 84-го пулеметного артбатальона – пулеметчик-наводчик № 1. Станковый «Максим» на колесах, 250 патронов.

Оттуда перевели ближе к заливу Петра Великого, бухте Бойцмана или Боцмана. Здесь охраняли море от японцев...

Чистка селений, мы шли до точек. Установил пулемет, ориентиры, пока светает – «ночной обстрел». Ни шороха, ничего, никого...

Рассвело, пошли по домам, они назывались «фанза», а пшеница у них называлась «чумиза», только поменьше семенники, ближе к просу.

На зимние лагеря выходили на пятнадцать дней. Спали под снегом, такой балаган зимой – «иглу». Внутри от своего дыхания таял снег и превращался в ледяной панцирь. Из жердей, кустарника внутри разводили костер, тепло было...

Тут меня снова представляют к званию. Остается неделя, вызывают в штаб, демобилизовался. Дал подписку не разглашать вообще какие-либо сведения, где и как служил, так как военная тайна. Подписывался в Маньчжурии. Часть расформировали, так и не присвоили звание-то.

После войны вернулся из армии в родное село в 1950 году. В 1982 году вместе с женой и детьми переехал в Александровку.

Сейчас Романову Михаилу Семеновичу 88 лет! И он желает всем «такого здоровья, как у меня», и тихо добавляет, - «Закалился на войне... Нес семь лет службы... В своей жизни мне запомнилось только как воевал и все».

От редакции: Вот такая судьба простого сельского жителя, честно исполнявшего свой солдатский долг на полях сражений. Хорошим дополнением к этому рассказу служат сведения, почерпнутые внуком Михаила Семеновича Николаем Манашкиным из

служебной книжки военнослужащего, ибо они дают полное представление об амуниции солдат того военного времени. Вещевое имущество рядового Романова состояло из пилотки или фуражки, шинели с погонами, гимнастерки с погонами, шаровар или брюк, ботинок яловых или хромовых 39 размера, обмоток, нательной рубахи, майки, кальсон нательных, трусов, портянок летних, двух полотенец, наволочки тюфячной, наволочки подушечной нижней, наволочки подушечной верхней, двух простыней, одеяла, ремня поясного, ремня брючного, шапки-ушанки, рубахи теплой, кальсон теплых, портянок теплых, перчаток зимних, кружки, ложки. Внизу стояла подпись синими чернилами, очень разборчивая: начальник штаба в/ч 31455, подполковник Тищенко.